
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ

Валентина Лысич
(г. Кременчуг, Украина)

Валентина Алексеевна Лысич родилась в Черниговской области в 1962 году. Окончила Прилукское педагогическое училище и Глуховский педагогический университет. Работала педагогом начальных классов, воспитателем в общежитии технического лицея. В 2005 году вышел первый сборник на украинском языке.

РОМАШКИ

Ромашковое поле —
все краски хороши.
Ромашковое поле —
нам некуда спешить.

Ромашек цвет повсюду —
на платье, на губах.
Ромашек белых чудо —
восторг у нас в глазах.

Здесь впору затеряться —
гадай хоть до утра.
Я помню, ты признаться
пытался мне вчера.

Усердно собираю
в большой букет цветы.
Гадать не буду — знаю,
что завтра скажешь ты.

ПОДАРИ

Как поют соловьи до утра
ночью звездной по зарослям сада!

Я одна размечталась вчера,
восторгалась в окно звездопадом.

Мне такую же ночь подари,
о таком я мечтаю подарке,
и дыханьем восторженным, жарким
говори обо мне, говори.

Прилечу до исхода зари
в звездопад и ночную прохладу.
Подари же мне ночь, подари!
Мне для счастья немножечко надо.

ВЫЦВЕВШЕЕ ЛЕТО

Я соглашаюсь: осень — грусть-печаль.
Ушло, как день вчерашний, наше лето.
Увяло все, и мне ничуть не жаль —
душа минувшей радостью согрета.

И я туда, конечно, не вернусь —
прошло, любви восторгами пропето.
В осеннем ветре — песенная грусть,
туман и сырость — вестники рассвета.

И нежность наша выпита до дна.
Ну а любовь... ее истоки вечны:
звонит сердец восторженных струна,
безумной страстью летнею согрета.

Я подводить итоги не возьмусь —
счастливым было выцветшее лето.
От листопадной грусти воздержусь —
речь не об этом... вовсе не об этом.

ВСЕ ПОТОМУ...

Признаться страшно — я тебя люблю.
И лето пахнет донником и мятой.
Тону в глазах твоих, боготворю,
желаю быть и близкой, и понятной.

Нам дарит солнце щедрое тепло,
а для тебя, как видно, непонятно —
отрадно мне, привольно и светло
от слов твоих случайных и невнятных.

Я — признаюсь. Я — сердцем говорю.
Как песня, что красива и крылата,
кричит душа восторженно: «Люблю!..»
И буйствует трава никем не смята.

ОСЕННЕЕ МАРЕВО

Осенний день дождливой грустью ранен —
все замерло живое: тихо ждет.
И, как мираж, в клубящемся тумане
моя мечта, как лодочка, плывет.

Моя душа осенняя несчастна:
судьба ее и мучит, и казнит.
И я, признаться, только ей подвластна —
не ведаю, чего она велит.

Тужу с дождями осени, тоскую,
о том, как было мило нам двоим.
Так хочется к весне — напропалую! —
туда, туда в объятия твои.

Осенний день... до боли все родное —
кто видел это, тот меня поймет —
зовет туманом осени к покою,
мечта на листьях осени плывет.

*Перевод с украинского члена Союза писателей и
переводчиков А. Селичкина (г. Калуга)*

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

Наш постоянный автор. Лауреат литературной всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

АЭРОПОРТ. УТРО

Как все-таки однобоко людское представление об устройстве Божьего мира! Раз Африка, значит, обязательно должно быть жарко. А вот, не угодно ли, африканский предрассветный холод. Юноша с бледным порочным лицом, служащий аэропорта Йоханнесбурга, одиноко скучает за стойкой своей авиакомпании, кутается в форменное пальто, поглаживает себя по плечам. Он бесстрастным взглядом оглядывает надоевшую, вечно куда-то движущуюся космополитичную толпу. На долю секунды, лишь на долю секунды его внимание привлекает попрыгивающий, как воробей, странный субъект в легкомысленно-московской футболочке («Как раз для августа и Африки!»). Равнодушно-электрическая исполинская кубатура зала вылетов постепенно блекнет, а небо, напротив, начинает сереть, сравнившись по цвету с глазами человека у стойки. Почему-то хочется узнать, что за мысли бродят в его светловолосой кудрявой голове, какая музыка звучит в его украшенных серьгами ушах. Но догадаться об этом невозможно, ибо его отсутствующее лицо выражает единственное желание: поскорее сдать смену и забыться сном. Небо над Йоханнесбургом гораздо понятнее и ближе: оно румянится, розовеет, просыпается к жизни. Становятся видны очертания расположенных неподалеку от летного поля деревьев. Что за деревья — разобрать невозможно, понятно лишь, что среди клубящихся лиственных крон зубчатой пилой выделяется вершина какого-то хвойного растения. «Вот... Оказывается, в Африке есть и хвойные», — отмечаешь ты про себя, заранее догадываясь, что эта информация никогда не пригодится тебе в жизни. Но сейчас измученному бессонницей, озябшему мозгу сделанное открытие кажется чрезвычайно важным. Так всегда: чужому для всех, никому не интересному транзитному пассажиру значительным представляется то, что никого больше не занимает.

ДОЖДЬ НАД МАПУТУ

Теплый африканский дождь накрыл Мапуту. Стоявшую в воздухе влагу даже дождевиками нельзя было назвать, настолько незаметны, почти невоспринимаемы они были. Чудилось, что на город наложили дымчато-позрачную, волглую, гляцевую кальку, дабы скопировать силуэты многоэтажек, пальм и вилл, а затем перенести контур заэкваторного города куда-то, где его беззаботный вид кого-то утешит или

порадует. Перенести в какое-то неведомое место. Может быть, на другую планету, где люди могут быть счастливы?

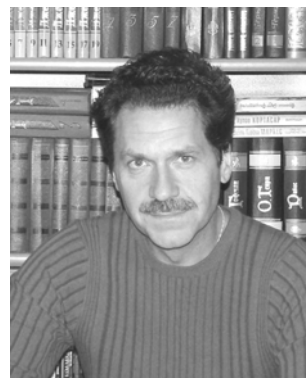
ПАЛЬМЫ

Какое, однако же, это увлекательное занятие — наблюдать за тем, как колышутся на ветру пальмовые ветви! К концу дня, когда жидкое золото настоится в прозрачной лазури неба и превратится в тягучий солнечный напиток, нижние ветки пальм пьяно качаются, словно бессильные зелено-желтые крылья обреченных птиц. Зато верхние молоденькие веточки поворачивают полоски листьев перпендикулярно земле, чтобы не дать немилосердному светилу сжечь их сочную юность. В знойный предзакатный час лишь пожилые нижние ветви проявляют желание дать земле немного тени: они готовятся оставить наш мир, и им хочется задержаться в нем подольше, пусть даже бледной сенью воспоминаний, пусть даже мимолетной благодарностью в душе невольника-прохожего, принужденного тащиться по делам в такую жару. Верхние же ветки озабочены лишь самосохранением. Они своим шелестом и движениями приветствуют приход ветерка: «Да, да! Мы заждались тебя! Освежи хотя бы единым порывом застой нашего существования!»

Сначала следишь за смятием пальмовой листы, доверчиво развернувшейся к тебе всей плоскостью, рассеянно, как за живым флюгером, показывающим направление и силу нерешительного ветра. Но постепенно изумрудные штрихи верхних веток складываются в узоры, а узоры — в ожившие рисунки. Оказывается, в кронах пальм поселились стада лошадей! Их продолговатые морды тянутся в разные стороны, ища небесного корма. Их шеи украшены ниспадающими гривами, а лбы — с вызовом вскинутыми чубчиками. Нет, это не хаотично колышущиеся при движении атмосферного воздуха отростки деревьев! Это наделенные инстинктом (а может быть и разумом!) существа. Они плавно поводят выями вслед налетевшему дуновению, они неторопливо кивают зефиру, как старому знакомому, они грациозно потряхивают гривами, отгоняя невидимых насекомых, они даже пытаются стронуться с места... А вот встревожено закинули головы, слышно их настороженное шуршащее ржание. Табун беспокойных зеленых зебр в десятке метров над землей.

Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

ИСКАТЕЛИ

Виталий Ковалев, профессиональный художник, живет в Юрмале (Латвия). Окончил Латвийскую Академию Художеств. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Волга — XXI век», является членом редколлегии журнала. Имеет публикации в различных интернет изданиях.

Летним жарким утром с миской в руках я подошел к клубничной грядке и тут только заметил соседскую девочку Иру. Она стояла под вишневым деревом за забором и громко плакала.

— Ты чего, Ирка?— спросил я.

— Меня сегодня заставляют собирать вишни для варенья,— всхлипнула она.— А я... Я... почему-то не хочу работать...— И она залилась горькими слезами.

Две косички, вздернутый носик, испачканный чем-то желтым, видать, нюхала какой-то цветок, и голубые, как небо, глаза. Сорвав большую клубничину, я отправил ее в рот, а потом стал собирать ягоды в миску...

— Не плачь, Ирка,— сказал я.— Пойдешь сегодня за рыбой? Давай пойдем вместе?

— Я у мамы спрошу,— ответила она, шмыгая носом и, протянув руку вперед, выстрелила в меня вишневой косточкой.

На кухне бабушка жарила оладьи. Я поставил миску с клубникой возле нее и сел за стол перед стопкой оладий на широкой тарелке. Отпивая кофе с молоком, я поверх кружки посмотрел на фотографию на стене. На снимке папа и мама были совсем молодые. Папа в офицерском кителе с погонами, мама в шляпке и черном каракулевом пальто.

— Бабушка, а я тогда еще не родился?— спросил я, показывая на снимок.

— Нет. Это сорок четвертый год, в Краснодаре. Вася тогда после ранения приехал, ответила бабушка.— Мы с Валею как увидели его, так аж испугались. Худой стал и страшный, как немец... Пять операций перенес. Осень уже была, а он в одном кителе, так я ему тужурку из ваты пошила. Я тогда в больнице работала. Три дня он пробыл и уехал. Было у него предписание двигаться в сторону Риги. Ее тогда как раз брать начали...

Я, слушал бабушку и думал о том, что если бы папу на войне убили, то меня бы не было. Самым обидным мне показалось то, что никто бы даже и не знал, что меня нет.

После завтрака мы с Ирой пошли за рыбой. Я нес обе наши сумки, а Ира, цепляя на кончик хвостины шишки, пуляла ими в соседские дворы.

— Подожди меня тут,— сказал я Ире, оставив ее с сумками на дороге, и вошел во двор Карла Фрицевича.

Из-за невероятно широких плеч, мы звали его — Человек-Шкаф. Карл Фрицевич был другом моего папы, он научил меня привязывать к леске крючок, научил ловить донкой линей и часто брал с собой на ночные рыбалки. Папа мне рассказал, что в войну Карл Фрицевич служил в войсках СС. Его призвали в шестнадцать лет, когда наши войска подошли к Риге. А потом он семнадцать лет был в лагерях в Сибири.

— Карл Фрицевич, а вы уже сделали мне лук?— спросил я, подходя к нему под навес сарая, где он сколачивал козлы для пилки дров.

Он посмотрел на меня и шлепнул огромной ладонью себя по лбу.

— Es aizmirsu!.. (Я забыл! — латыш. яз.) — воскликнул он.— Пойдем, срежем орешник. А ты почему по-латышски не говоришь?— Он взял с лавки большой нож, и мы вошли в заросли орешника за сараем. Лучи солнца пробивались сквозь светящиеся на солнце листья.

— Вот эта подойдет,— показал он на гибкий побег молодого орешника.— Будет в самый раз.— Он присел, подрезая побег, пятна света скользили по его мощным рукам. Я коснулся его широкого плеча.

— Дядя Карл, а вы всегда были таким сильным?— спросил я. Он чуть помолчал, а потом ответил:

— Нет. Сначала был такой, как ты. Работай больше и будешь сильным. Чтобы был не Арбат,— кивнул он головой на поджидавшую меня на дороге Иру,— а Arbeit... Ну-ка, покажи свои мускулы...— Он взял мою руку, согнул ее в локте и смерил бицепс, приложив к нему рукоятку ножа.

— Я запомнил, какой ты сейчас, а через месяц посмотрю снова. Дрова коли. Почему дрова не колешь? Ждешь, когда папа сделает? Передай Василию привет!..

— Хорошо, дядя Карл, я передам. Uz redzešanos! (До свидания! латыш. яз.)

— Пойдем через лес,— предложила Ира, когда я вышел к ней на дорогу,— заодно в моховичник заглянем...

— Опоздаем за рыбой.

— Да, мы быстро. Посмотрим только, есть грибы или нет. Мы вошли в лес. Высокие неподвижные папоротники доходили нам до пояса, а иногда и до плеч. В их густой зеленоватой тени мы заметили желтоватые шляпки грибов.

— Смотри, как много!— воскликнула Ира. Мы присели и стали разглядывать грибы. Веер солнечных лучей рассекал гулкое пространство леса, озаряя шершавые стволы сосен. Золотая мошкара роилась в лучах света и исчезала, как только попадала в тень. Здесь было очень тихо, только далеко-далеко слышался голос кукушки.

— Давай считать, сколько лет мы проживем?— сказала Ира.

— Не надо, Ирка!.. Я не хочу это знать...

— А правда, здесь похоже на Рай?— прошептала она.— Мне мама про Рай рассказывала. Там было хорошо, и все звери жили дружно.

— Сказать тебе тайну? Только не говори никому. Я знаю, где Рай есть и сейчас.

— Где?— продышала тихо Ира.

— Рай прямо над нами. Он остался на верхушках деревьев. Изменилось все только внизу, а там все так же, как было тогда. Я однажды залез на дерево и почувствовал это. И птицы чувствуют это, потому они и любят вершины деревьев, и вьют там гнезда.

— Жаль, что я не могу туда залезть,— грустно произнесла Ира.— Но я и отсюда его немножечко чувствую!..— Мы смотрели на верхушки сосен, качающиеся на ветру, и слушали шум леса.

— Мы опоздаем!— спохватилась Ира. По тропинке среди папоротников мы добрались до опушки леса, и увидели море. Оно было желтовато-янтарным.

— Они уже здесь!— крикнула Ира, и, скинув платье на песок, побежала к воде. Я с сумкой побежал вслед за нею, но на берегу остановился. Ира заходила все дальше и дальше в воду. Волны били в ее колени, потом в живот, в грудь... Подняв высоко вверх свою сумку, она добралась до второй мели, за которой покачивались на волнах рыбацкие лодки. Прямо в воде люди покупали у рыбаков больших копченых угрей, камбалу, жирную скумбрию, золотистую стремижку и свежего лосося.

Далеко в море я увидел волну и стал смотреть, как она движется ко мне. Ветер сбивал с ее гребня белую пену, волна росла, с шумом катилась по морю, и казалось, что до берега ей еще очень далеко, но прошло несколько мгновений, и волна выкатилась на берег к моим ногам. Глядя на лопающиеся пузырьки пены на песке, я ощутил свежий морской ветер, услышал крики чаек, шум волн и далекий голос Иры, звавшей меня... И в этот миг, затаив дыхание, я что-то почувствовал. И запомнил это на всю жизнь.

Дмитрий Виноградов
(г. Узда, Белоруссия)

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ
(Эссе)

Родился 26 февраля 1943 года в г. Хойники в Беларуси. В 1961 году окончил Гомельский дорожно-строительный техникум. С 1962 по 1965 год служил в Советской Армии. В 1970 году окончил Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта. Прошел трудовой путь от рабочего до заместителя председателя райисполкома. Ныне пенсионер. Член Союза писателей Беларуси, детский писатель. Автор 15 книг. Лауреат 11 международных литературных конкурсов. Отмечен высшей наградой Союза писателей — медалью «За большой вклад в литературу». Ныне проживает в г. Узда Минской области.

Моя малая родина город Хойники на юге Белоруссии. Он расположен в 30 километрах от реки Припять, которая с давних пор является естественной границей между украинским и белорусским народами. А в 48 километрах от него чудовищным ящером висится Чернобыльская атомная электростанция. Утром 26 апреля 1986 года станция взорвалась, накрыв радиоактивной пылью большую часть Беларуси. Послевоенная история моей малой Родины разделилась надвое: то, что было до радиации, и то — что после.

Радиация... Нас учили, что она смертельно опасна. Что поражает смертельная пыль прежде всего внутренние органы: желудок, печень, почки, суставы. Но как же теория была далека от практики. Оказывается, первый и самый главный удар радиация наносит по серому мозговому веществу, от чего порождается страх, неуверенность, трусость, паника. Вероятно, этим объясняется поведение высших эшелонов власти, старавшихся скрыть правду от людей, предпочитая подвергать смертельной опасности сотни тысяч людей. Пропагандистская машина умирающего государства молчала. Зато неутомимо работало «сарафанное радио», разносящее самые невероятные слухи: «Слышали, атомная станция в Чернобыле взорвалась?», «Слышали, в район стягиваются войска со всей страны?», «Слышали, к нам едет сам ИКС?». И над всеми этими слухами, которые, в общем-то, оказывались правдивыми, висит щемящее чувство тревоги.

Но делать что-то нужно было. И приходит в район ну очень «мудрый» циркуляр, гласящий, что нужно спасать из тридцатикилометровой зоны... общественный скот. Скот, а не людей!? И, ведь, спасали, глотая смертельную пыль. В первомайских колоннах ждем, что скажут о грянувшей беде с трибун партийные чиновники. Но оттуда не прозвучало ни одного тревожного слова. Только сойдя с трибун, за закрытыми дверями они принимают, разумеется, с высшего соизволения, решение об эвакуации из так называемой «30-километровой зоны» уже и людей. И население, разрешив взять только ценности и документы, чуть ли не силой вывозят в населенные пункты района, что находятся вне пресловутой «зоны». При этом никто не смотрит на дозиметры, которые показывают, что здесь тоже есть радиация, и она здесь не меньше. Район забит войсками химзащиты. Появились многочисленные пропускные пункты со шлагбаумами, где несут круглосуточное дежурство сотрудники МВД. Как знак

беды, возле каждого из них стоит неведомый ранее знак желтого цвета с нанесенной трехлепестковой черной «ромашкой» и со словами «Радиация». В самом городе, а это всего 18 километров от «зоны», оборудован пункт дезактивации эвакуированного населения. В состав эвакуопункта входят местные медработники и несколько военных во главе с капитаном. На лицах людей, что еще не прошли санобработку, печать усталости и обреченности. Временами кто-либо подходит к капитану и задает единственный вопрос: «А нас скоро вернут назад?» Капитан, не вправе сказать правду, отводит глаза: «Через несколько дней». Люди недоумевают: «А зачем тогда нас моют, и переодевают в другую одежду?»

Видя проходящих мимо влюбленных, капитан вырывает у девушки букет цветов, аромат которого она вдыхает, и подносит к дозиметру. Прибор зашкаливает — делений не хватает. Капитан извиняется и тихо говорит: «Ребята! Дышать всем этим, — офицер повел руками вокруг, — нельзя! И жить здесь... тоже нельзя!»

Восьмого мая эвакуируют из района уже ВСЕХ детей до 14 лет. Их увозят вначале в соседний Ветковский район, где, как выяснится потом, уровень радиации несколько не ниже, чем в наших местах. Здесь они будут «оздоравливаться» целый месяц. Потом всех их эвакуируют в северные районы Белоруссии и западные районы России, вплоть до Урала. И начнутся мытарства родителей в поисках и посещениях детей. Нашу старшую дочь увезут в Витебскую область, младшую — в Минскую. А дорога туда не близкая. В пятницу вечером после работы на машине (а машины в то время имели немногие) уходим в ночь.

До старшей — 400 километров езды по забитой войсками дороге. Часто подолгу стоим по команде регулировщиков. Утром на месте. Счастливые глаза дочери, и непередаваемая тоска тех, к кому родители не смогли приехать. Целый день находимся в детском окружении, несмотря на попытки воспитателей забрать их в палаты. Тоска по родителям такова, что они стараются хотя бы прикоснуться к нам, чужим людям. Роздано все что можно. Не отдохнув, уходим во вторую ночь. Такая же долгая дорога. Утром последние километры еду, как на автопилоте, — сильно устал. В такой же обстановке проводим воскресенье с другой дочерью. И с сумерками совершаем последний 500-километровый бросок домой. Часов в пять утра дома, а к восьми нужно быть уже на работе. И так еженедельно многие месяцы. С осени периодически детей дошкольного и младшего школьного возраста будут эвакуировать уже с матерями. А многие отцы в это время мечутся по стране, пытаются определиться с новым местожительством и новой работой. Другие мужчины продолжают работать на прежних местах, надеясь, скорее всего, на «доброе царя», который однажды очнется, и примет решение о высылении наших семей в чистую зону.

В это время на загрязненных полях выращивается хлеб и овощи, производится многообразная сельскохозяйственная продукция. Конечно, можно сегодня заявлять, что выполнять эту работу было аморально. Но нельзя осуждать этих людей, ибо они были заложниками сложившихся обстоятельств. Одновременно на загрязненных территориях района строятся несколько поселков, в которые заселяются чернобыльские переселенцы. Через некоторое время переселение пройдет еще раз, но уже в другие районы. Все населенные пункты 30-километровой зоны и вновь построенные поселки будут стерты с лица земли. Эта территория станет свободной от деятельности человека. Через несколько лет здесь будет организован Полесский радиационно-экологический заповедник.

А тем временем бежали месяц за месяцем, год за годом. Осознание опасности проживания в родных местах заставляют людей массово уходить, невзирая на все препоны. Власти пытаются удержать трудоспособное население. А нетрудоспособное — оно ведь никому не нужно. Покидали люди родные места, прежде всего, ради спасения детей. Уезжали, оставляя трудовые книжки, а значит, теряя трудовой стаж;

уезжали, лишаясь партийного билета, а значит и перспективы на карьеру; уезжали, а скорее бросали производство вместе с вверенными материальными ценностями, не страшась сесть за недостатку в тюрьму; добивались увольнения в законном порядке, получая при этом в лицо оскорбления «трус» и «дезертир». Люди уезжали в зачистую худшие условия, но с верой, что новое место, во всяком случае, будет чище, чем родная Хойникщина.

Наступил 1990 год. Терпению приходит конец. На январьском партийно-хозяйственном активе автор этих строк нелицеприятно выступил против удержания людей в районе. Перед этим ночь не спал, осмысливал время, проведенное в «чернобыльской зоне». Мое выступление словно прорвало плотину людского гнева. Последующие выступающие произносили свои речи столь эмоционально, что президиум собрания во главе с одним из вице-премьеров республики спешно начали сворачивать совещание. После его окончания меня пригласили на сцену, где взбешенный первый секретарь стал гневно упрекать меня, что по поводу своего выступления не посоветовался с ним. Я ему ответил, что главным моим советчиком является совесть. Конечно, я рисковал многим, но терпеть уж дальше не было сил. Вице-премьер спросил, что я хочу. Ответил кратко: «Хочу со своим коллективом уйти в чистую зону». Там же я получил согласие на уход организации, и мне была назначена через месяц встреча в Совете Министров для определения места посадки. Но разуверившись в правдивости средств массовой информации, я и двое представителей коллектива за свои деньги на своем транспорте объехали практически всю Беларусь, нанося показания дозиметра на карту. И мест, практически свободных от радиации было немного. Одним из них был Узденский район, что рядом с Минском. Наш выбор власти поддержали. И за год на чистом месте своими руками мы воздвигли поселок на 120 домов усадебного типа со всеми удобствами и 80-квартирный дом. Это жилье приютило порядка тысячи человек. Отныне в городе Узда каждый восьмой житель — «чернобылец». Это самая большая диаспора переселенцев в Белоруссии.

Вот уже 25 лет смертельная пыль присутствует в нашей жизни. Искалечив, изломав столько судеб, она не смогла искалечить души тех, кто вопреки прогнозам японских ученых еще жив. Пройдя через все испытания тех проклятых лет, расселившись на необъятной территории, что называется сейчас постсоветским пространством, мы не порвали своих связей со своей малой родиной. Не подвластны времени, не подлежат забвению родные места: там прошло босоное детство, там пришла первая любовь, там могилы наших предков, там наше начало. И мы ездим, не страшась смертельной пыли, чтобы поклониться родным местам. И будем ездить до тех пор, пока не остынут наши души.

Мы, прошедшие чернобыльские реалии, с большой болью восприняли события, происшедшие в Японии в результате землетрясения и последующую аварию на атомной станции «Фукусима». Верится, что учтя ошибки и опыт Чернобыльской катастрофы, талантливая нация Страны Восходящего Солнца с честью выйдет из этого тяжелого испытания. Мы верим, что придет время, когда вопросы ликвидации последствий радиационного облучения будут решаться значительно легче и проще. Будут изобретены лекарства, снижающие риск заболевания от полученного облучения. Будут найдены способы связывания радионуклидов, в результате чего будет возможность снижать уровень радиации до естественного фона. В конце концов, наукой будут найдены приборы и приспособления, которые уровень аварийности установок с ядерными носителями сведут к нулю. А пока жизнь продолжается такой, как она есть. Но, пепел Чернобыля стучит в наши сердца. В этом звуке слышится:

Люди — берегитесь!

Люди — берегите друг друга!

Люди — любите друг друга!

Люди — помните!

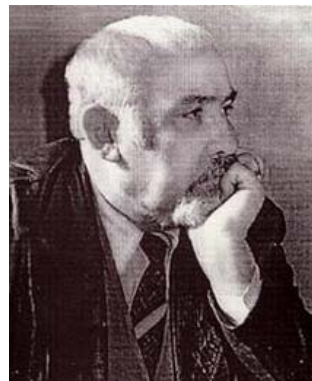
Михаил Серебро

(г. Нюрнберг, Германия)

МОСКОВСКИЙ РЕГТАЙМ

(Глава из романа)

НАСТРОЙЩИК

Михаил Семенович Серебро родился в г. Николаеве. Окончил ГИТИС и Высшие режиссерские курсы. Вскоре его имя стало уже называться в числе известных миру талантливых драматургов и режиссеров. На его счету множилось понравившиеся зрителям спектакли в театрах страны и за рубежом.

Драматург, актер, писатель — член Союза журналистов РФ, член Союза театральных деятелей РФ, заслуженный деятель искусств РСФСР. Автор многочисленных романов о силе человеческого духа, в которых, осмысливая прошлое и настоящее, не отступает от исторической правды и, вместе с тем, дает волю творческой фантазии. Сегодня наиболее известными российскому читателю можно назвать его романы «Здесь, под небом чужим», «Крымская рапсодия», «По дороге на тот свет», «Лицедей», «Осколки», «Алмазы для святого Николая».

Живет М. С. Серебро в Нюрнберге, Германия.

От двери послышался какой-то звук. Трой обернулся и увидел, что в почтовую щель протискивается газета. Он не выписывал никаких средств массовой информации, но в последнее время разносчики почты нет-нет, да и подбрасывали ему какую-нибудь газетенку.

Подошел Андик. Белый пудель с серебристым отливом. Таинственный, мистический тип. С тех пор как от Настройщика ушла жена, забрав с собою дочь, а ему оставив собаку, у него с Андиком время от времени случались продолжительные дружеские беседы. Человек выражал свои мысли вербально, а ответы читал в умных собачьих глазах. Или вопросы.

— Судьба стучится в дверь! — проговорил Андик.

— Приманивают... — пробурчал Трой, — вербуют подписчика.

На этот раз ему подбросили «Коммерсантъ». Газета ему не нравилась, но именно ее он покупал в киоске близ метро. Здесь в разделе объявлений он находил работу. У подписчиков этого издания вошло в моду «ретро» — учить отпрысков игре на фортепиано. Для интерьеров своих дворцов нынешние хозяева жизни, покупали старинные дорогие рояли, долгое время бывшие не у дел. Он их возрождал к жизни. Боже, какими звуками откликались антикварные старинные Steinway & Sons, C. Bechstein и другие кабинетные, салонные и концертные рояли! И далее: цена от 300000 руб. до 2500000 руб. Подбор бренда, дизайна и вида отделки по Вашему вкусу. Срок исполнения заказа — до 3 месяцев. Он развернул газету, но в этот раз до объявлений дело не дошло. В глаза бросилась, обведенная красным фломастером статья, под названием: «Музыкальный конкурс в Америке, посвященный Джорджу Гершвину».

Трой отворил дверь. Огляделся, в надежде увидеть почтальона. Но никого не было. Все было тихо. Дом спал. Он закрыл дверь, опустился в кресло и стал читать:

«У любого из наших соотечественников есть свое, личное представление об Америке, которое сложилось благодаря книгам, картинам, фильмам и туристическим поездкам. Кто-то влюблен в Нью-Йорк, кому-то больше по душе пейзажи бывшего Дикого Запада — Мекки туристов всего мира, а кто-то больше всего ценит красоту Гавайев, Аляски, Карибов... В разных городах этой страны ежегодно происходит множество интереснейших событий, среди которых десятки музыкальных международных фестивалей. И при желании можно стать как их зрителями, так и участниками. Пожалуй, одним из интереснейших мероприятий можно назвать музыкальный конкурс, посвященный великому композитору Джорджу Гершвину. И главным произведением конкурса станет “Rhapsody in Blue” — одно из самых известных его произведений. Оно было впервые исполнено автором 12 февраля 1924 в Нью-Йорке в сопровождении оркестра Пола Уайтмана. 5 января 1923 он заказал музыку начинающему тогда композитору и музыканту Гершвину, как эксперимент по созданию нового музыкального стиля, сочетающего джаз и классическую музыку. Произведение должно было называться «Американская рапсодия». Известное нам название было подсказано братом композитора Айрой Гершвином, после посещения им художественной выставки Джеймса Макнейла Уистлера. Оркестровку Рапсодии 1924 года для фортепиано и джаз-бэнда выполнил работавший на П. Уайтмана профессиональный музыкант с европейским образованием Фердинанд Грофе (en: Ferde Grofé). Он же позже осуществил и версию для фортепиано и симфонического оркестра. Именно в этой редакции Рапсодия ныне повсеместно известна. «Рапсодия в блюзовых тонах» стала визитной карточкой Гершвина. Ныне она с равным успехом исполняется музыкантами и академического, и джазового направлений. Заявку на участие могут подать музыканты, которые по тем или иным причинам сейчас не занимаются концертной деятельностью. Международный конкурс рассчитан на музыкантов возрастом до 40 лет...»

— А тебе сколько?— Казалось, Андик читал газету вместе с хозяином.

— Тридцать семь...— машинально ответил Трой и тут же опомнился.— Да будет тебе... Ты знаешь, сколько стоит добраться до Америки?

— Знаю. Провожают на пенсию старого адвоката Рабиновича. В общем, так говорит Рабинович: «До Одессы доеду зайцем, там дам три рубля грузчикам, чтобы они меня занесли на пароход до Америки, и все дела».

— Вот именно... Не говоря уже о том, сколько времени я не брал в руки клавиш...

— А кабак?

— Кабак есть кабак... Мне нужен, по крайней мере, месяц упорных занятий, чтобы набрать форму.

— Как раз столько, сколько идет пароход из Одессы в Америку.

— Ладно. Проехали... Ты лучше скажи, а не пора ли нам пройти там, где мельница вертится?

— Ваша любезность превышает вашу красоту.

— Не хамя. А то не поведу гулять.

— Не надо репрессий...

Они прошли мимо дремлющей консьержки и двинулись знакомым маршрутом. Трой уселся на скамью близ дома и снова углубился в «Коммерсантъ», старательно обходя глазами упомянутую статью. А Андик, обследовав близлежащие кусты и ознакомившись с иероглифами своих приятельниц, с вечера оставленных на стенах, вернулся, вспрыгнул на скамью и уселся рядом.

— А может, все-таки, двинешь?

— Куда?

— В Америку. На конкурс.

— Головка поехала?

— А вон смотри. Тебя человек зовет. Может, денег даст.

— Где?

— А вон у тротуара — «Мерседес»... Дверца открыта. Человек рукой машет.

Трой обернулся. Действительно, в открытой двери «Мерседеса» виднелся мужчина и махал ему.

— Меня?— жестом спросил Трой.

Тот еще энергичней замахал рукой. Когда Трой подошел, мужчина спросил.

— Не узнаешь?

Трой его узнал. Последнее время тот был непременным ежевечерним слушателем их оркестра. Он приходил ко времени исполнения «ректаймов», заказывал стакан водки и садился прямо перед Троем. Хозяин морщился, но молчал. Видимо, гость был из криминальной среды, и связываться с ним — себе дороже. Во время исполнения регтаймов посетитель не отрывал взгляда от пианиста и беспрерывно плакал, а потом робко старался привлечь его внимание. Но Трой всячески уклонялся. Вот и теперь он отрицательно покачал головой.

— Ну, ладно. Может, так оно и лучше. Ну, прочел статью?

— Так это ты ее подсунул?

— Какая разница кто подсунул? Так прочел?

— Ну, прочел.

— Мне велено передать тебе газету и деньги. Все. Вот кейс. Здесь — лаве. Хватит на все. И поехать, и выступить. Вот ключ от кейса. Забирай и сматывайся. Все. Я тебя не знаю, ты меня не видел. Вали отсюда.— И вдруг неожиданно громко выкрикнул.— И не снись ты мне больше!!!

Он оттолкнул Троя. Затем завел машину и резко «взял с места». Мгновение, и машина скрылась в утреннем тумане, который, поднимаясь от реки, заполонил набережную.

— Что это было? Что в кейсе?

— Не задавай глупых вопросов,— буркнул Андик.— Я же говорил, что судьба стучится в дверь. Идем домой, откроем и посмотрим.

Когда они проходили мимо консьержки, та даже не изменила позу. Какой сон? Вы что? Просто пожилая интеллигентная женщина сидит на дежурстве. Задумалась. Такие времена.

Дома Трой зашторил окна и положил кейс на пол. Вместе с Андиком они сели подле него.

Содержание кейса ошеломило. Ровными рядами, как в кино, лежали доллары и наши «Пятихатки»^{*}.

— Прежде всего, это надо спрятать. И как можно скорей. Желательно до приезда милиции,— посоветовал Андик.

— Ты думаешь, надо ждать милицию?

— А ты думаешь, нет? Этот мужик на богача не похож.

— Почему? Одет плохо? А вспомни правителя Багдада из «Тысяча и одной ночи» Гарун-аль-Рашида^{**}. Мудрый, справедливый правитель и покровитель искусств одевался в простую одежду и бродил по городу, узнавая, как и чем живут его подданные. А этот, может быть, покровитель пианистов...

— А, может, он просто сумасшедший? Помнишь, как заорал: «Не снись ты мне больше!»? Видишь, ты к нему в снах приходишь.

— И куда прятать?

^{*} Пятихатки — пять тысяч рублей.

^{**} Гарун аль-Рашид — Правитель Багдада.

— Лучше всего, наверное, в батарею.

— Точно. В батарею.

С тех пор, как высокопоставленные жильцы покинули дома на Фрунзенской набережной и переехали в свои дворцы на природу, многое изменилось в сфере обслуживания бывшего правительственного жилья. Например, стали плохо топить. Промозглыми осенними и студеными зимними вечерами Трой испытывал постоянное «дрожemento». И вот тогда он приобрел у знакомого сантехника «левую» батарею — внушительную отопительную секцию. Но подключить ее к имеющейся не получилось: умельцы запросили столько, сколько он в руках никогда не держал.

И тогда он приспособил ее под тайник, где хранил «зачатку» от взглядов не в меру любопытных женщин, время от времени посещавших его. Однажды он даже сумел сохранить там бутылку виски от разгулявшихся приятелей. Полезная оказалась вещь. Вот туда-то они с Андиком собирались спрятать валюту.

— «Пятихатки» держи при себе... Долги, родительские обязанности, срочные траты... А доллары подождут до Америки.

Трой сел в кресло и тасуя «пятихатки», как карты, громко спросил:

— Во что я вляпался?

— Ты у кого спрашиваешь?

— А здесь еще кто-нибудь, кроме тебя, есть?

— Ну, если ты боишься,— иди, сдавайся.

— А действительно? Может, ну его. Жизнь прожил... Чего ж теперь-то?

— Это шанс. Его нельзя выпускать из рук. Навыпускался.

— Так ведь криминальные это деньги. Парень — вор.

— Кто сказал? Кто сказал, что парень вор?

— Таких денег честно не заработаешь.

— Это ты так думаешь. И потом — ты ни у кого ничего не крал. Парень ясно сказал: «Бери себе!» Надо брать! Надо хватать удачу за хвост и...

— И?..

— И в Америку! В мир! С этой кучей денег найдешь лучшую клинику, психолога или чего тебе там надо. Снимешь номер с инструментом. Будешь репетировать каждый день. А потом сыграешь так, как умеешь только ты. Вперед! Перестань прятаться от жизни... Верни время назад!

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке... И потом я не могу играть в концертном зале, при большом скоплении людей. Сколько раз тебе говорить?

— А в кабаке?

— Ну, кабак — он и есть кабак. Там жрут и пьют. Им до меня нет дела. А тут люди на меня смотрят и ждут. А у меня руки не поднимаются.

— И что? Я и говорю — надо искать специализированную клинику. Надо идти к психологу. А ты?

— А я?

— Ну, как же?! Дамы вокруг стонут: «Боже! Какой у вас слух! Неужели без камертона?! Волшебник! Волшебник! Совершенно другой рояль!» Настройщик! Стоило для этого кончать консерваторию с красным дипломом?! У тебя есть деньги. Возьми самого дорогого психоаналитика. Профи. Самого дорогого. И в Америку.

— Да, ладно... Как это? Все бросить...

— А что тебе здесь бросать? Жена от тебя ушла. Дочь прекрасно живет с бойфрендом. Копеечные заработки настройщика? Жалкое, бесплатное музицирование в ресторане за еду?

— Тебя, например?

— Меня не считай. Отведешь к бывшей жене. Она давно просила. Или отдашь дочери. Она меня любит. Я тебя дождусь. И буду тобой гордиться...

— Спасибо, конечно, но...

— Ты помнишь анекдот?

— Какой?

— Случился потоп. Люди спасались, кто как мог. Лишь один старик влез к себе на крышу и стал молиться. «Я верю в Господа моего Всевышнего. Я верил в него всю свою жизнь! Если он захочет — я буду спасен!» Потоп все сильнее. Проезжают люди в лодках. Зовут старика с собой. «Оставьте меня,— отмахивается старик.— Я верю в Господа. Он меня спасет». Подлетал вертолет. Пловцы предлагали спасательный круг. Старик молился.

— Ну, и чем кончилось дело?

— Набежала волна и смыла старика в воду. И вот он предстал перед Всевышним. И спрашивает его: «Как же так? Я всю жизнь верил Тебе. Я всю жизнь молился Тебе. Как же так?!» — «А про что ты думал, старик,— ответил ему Всевышний,— когда я посылаю тебе людей, лодку, вертолет?!»

